

12+

Лариса Пригарина

**ЗАВЕЩАНИЕ
ПАГАНИНИ**

Лариса Борисовна Пригарина

Завещание Паганини

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67935072

ISBN 9785005682659

Аннотация

Первые четыре рассказа из книги «Завещание Паганини» о детстве и взрослении итальянского виртуоза-скрипача, который сделал переворот в мире скрипичной музыки, подняв технику игры на высоту, недостижимую до сих пор для многих скрипачей. Произведения написаны пластичной, ритмичной, музыкальной поэтической прозой.

Содержание

Книга 1	5
Отец	5
Франческо Ньекко	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Завещание Паганини

**Лариса Борисовна
Пригарина**

© Лариса Борисовна Пригарина, 2025

ISBN 978-5-0056-8265-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1

Отец

Рассказ первый

– Сто чертей! Щенок! Полдня мается солнце, а он, бездельник, забыл про гаммы! Арпеджио, двойные, флажолеты! – И грозно нависает надо мной отцовский нос, по-орлиному хищный и смуглый, а взбесившиеся навывкоте, глаза не жалеют меня и не слышат, их дело – давить, топтать, карать!

Давить, топтать, карать!

– Гадёныш! Тварь безмозглая, играй!!!

Вчера отец продулся в лотерею. Сегодня же, с утра, вином перебродившим, негодуя, кипела кровь фанатика и игрока, рождённого для казино и авантюра, как я – для скрипки.

Злой, тёмный, буйный мой отец тряс кулаками, утрашая, – они накажут меня больно и жестоко. А взмокшие цвета вороного крыла волосы прилипли кольцами к распаренному лбу: он хорошо поел и на губах его остались, не обсохнув, следы баранины в томатах и жареного на оливковом масле лука.

Он севшим от ругани голосом рявкнул:

– Не давать негодяю еды!

– Антонио! Ирод! – мать, осмелев, тигрицей налетела на отца, сметая юбкой со стола разбросанные карты. – Ах ты, дурак! Погубишь сына, изверг.

Отец стоял пред нею крупный и высокий, и возмущенный бранью: «бессовестная баба!» – не выдержал:

– Вон женщина, на своё место! В кухню, брысь!

Ударить бы её и смять, и изукрасить синяками. Чтоб постыдилась сунуться к соседям, стерва.

Но матери глаза, устав от страха и переживаний, жгли ненавистью и печалью; отец споткнулся, порываясь к ней. Чуть двинувшись, остановился, замер. И отступил.

– Убийца! Шесть лет ребёнку, а вытворяешь что над ним! Ты гад паршивый, душегуб! – накинулась она на мужа, достигнув края, насылая порчу: – О будь ты проклят, живодёр.

– О боже! Дура! На мою шею! – взмолился от души отец. И в гневе топнул башмаком: – Играй бездельник! Что развешил уши?! Иль тянешь время, паразит?

И я настроил скрипку, прижавшись к ней щекою, прислушался и заиграл.

В Сан-Лоренцо, в романском соборе Генуи громко ударил колокол и неспешно, важно, грузно растянулся и разнёсся, раскатился над окрестными домами и тенистыми улочками его густоязычный, мерный гул, его тысячемилевый, зовущий прихожан молиться и взывать к Всевышнему, раскатистый, баритоновый рёв.

Бам! Бом! Бим!

Бу-у-ум!

Да не забудьте господа Бога! Отца сущего, Отца небесного!

...Звук свалил меня на пол.

Придавил, как хорёк суслика, во время охоты.

И сжал предсмертным объятием виски.

Я упал.

Захрипел, задёргался, затих.

Родители стояли – и ни звука.

Мать подняла оброненную мною скрипку – живую и без трещин. И серое лицо её жило в аду.

– Врача, – произнесла она.

– За доктором, – растерянно – отец.

Он чувствовал неведомую робость, смотря нашкодившим котом: и я не я, сметана не моя, в чём дело, господа?

– Всё ты! Довёл ребёнка манией состряпать скрипача!

– Ну хватит! – не выдержал отец брюзжания жены. Просил, не глядя: – Помоги.

И отнесли меня в дальнюю комнату с решетчатыми, в медной вязи окнами. Сопя, вздыхая и кляня, за доктором послали.

Явившись, лекарь не развеял их сомнений, пообещал:

– Намучаетесь вы с ним.

И он раскрыл добротный расписной кошель, привычно взял протянутые ему деньги и опустил флорины в кожаные

недра. Ушел.

* * *

Проснулся ночью я глубокой, и густо-синей, и прохладной, окутанной безмолвием звёздным – спи, небо, спи!

На стены натываясь, я ушел из комнаты с решетками на окнах – ковали для изящной клетки, но не для дома скрипача.

Пуста дорога и темна, людскими башмаками стёрта, колёсами карет, я брёл по ней навстречу морю, его дыханию и шуму. Раскинулось и растянулось, и раздалось, и разлеглось!!!

Эй, море, это я. Пришел. Не узнаёшь?

Ты отчего устало дышишь, ворочаясь без отдыха в лагунах, смолкая среди гладких скал? Что, холодно, знобит?

Проснись! Эй, море!

Я к тебе пришел. Ты видишь?

Море, пой. Для меня и тихо. Никому не слышно.

Бриз, ракушки, песок – спят.

Море, пой. Валуны и креветки – спят.

Ночь-бродяжка, сомкнула губы на влажном, горьком твоём плече.

А звёзды, звёзды! Надежда ночи, глаза-гранаты, сапфиры-слёзы – вот сколько их! Объять – не удержать!

Развеются по ветру, если разжать ладони.

Как невозможно уйти от них и заслониться или укрыться ни дереву, ни человеку, ни птице, ни цветку, ни зверю – никому!

Ай, море, море, ты поёшь? Поёшь ли ты?

А звёздные дороги в чёрном небе тихи и беспечальны, бессуетны. Иди по ним к восьми ветрам в любую сторону.

И всё молчит. Всё.

Звёзды, звёзды, не тянитесь к морю, не касайтесь глубли остриём лучей. Пальцы-свечки, не волнуйте светом недра-темноту.

Тише, звёзды, не будите скрипку.

Спит она. Тут на плече. Легко дышат её деки цвета поздней вишни, тёмно-красной. Спелой.

Отчего я плачу? Отчего мне горько?

Слился с морем. Скрипка спит.

И мы вместе.

Я несчастлив? Несвободен?

Хризантемы-звёзды, вы, гранаты-звёзды!

Что сильнее: ненависть или знак доброты?

Кто ответит, кто утешит? Кто поймёт и кто защитит?

Дом – тюрьма.

Там быют. И не любят. Не жалеют, терпя. Не умеют прощать.

Есть дом, где не лгут?

Есть дом, где прощают и любят?

...По белым камням переулка вернулся я домой.

Франческо Ньекко

Рассказ второй

Бег солнца. Звон лазури. И гул колоколов.

Сияние и жар!

Ну, солнце, ну! Златится, дышит и смеётся. Печёт, ликует, будит. И венчает.

А голоса соборных чаш колоколов, взмывая, увлекали торжеством и бунтом, тонули, вязли, расходились в синей топи-густоте. Никто не мог спасти их, вытащить из тверди неба и лазури. Они звучали для людей и неба, Бога.

– Синьор! Синьор! Где дом со львами? – мой голос рвётся ранней паутиной. Тщедушен, мал и слаб.

Великаны-дворцы, особняки и виллы, сомкните крыши и балконы над заплутавшим ребёнком!

Я потерялся, отбился, устал...

– Где же дом, где же дом?

В чёрном футляре, вытянувшись, спит скрипка: ей тесно и нечем дышать.

– Львы?! – встряхнулся прохожий. И я увидел изумительные глаза: по краю агатовых зрачков взмывал, золотясь, огонь. Погруженный в себя синьор взорвался петардой: – Откуда в Генуе львы? Их дом в Африке, мальчик. А у нас... – И он ожил приневоленной птицей, узнавшей дыхание встречного ветра; о небеса! о солнце! море! камни!

звуки!

Приблизил он лицо, и я заметил, как нервная полоска рта поджалась и осветилась белизной зубов.

Лицо его играло смехом, словно мозаика светом в глубине собора.

– Синьор! – пытался объяснить я незнакомцу. – Дом с ручками дверными из львиных морд и лап, хвостов!

– Да-а? – удивился синьор, любезно осведомившись. – Скажи, ребёнок, лапа льва с когтями, и втянуты они в подушки иль выпущены для охоты?

Я отпрянул.

– Хорошо, – сочувственно смотрел синьор, пусться выпытывать: – Дверь, где лев отрастил оранжевые космы и обнажил клыки, разинув пасть?

И, протянув руку, погладил кольца моих волос.

– Почему лев разинул пасть? – я отстранил его руку: к чему клонит худой, как иссохшая камбала, человек с поджатыми к бокам костлявыми локтями?

– Ты видел львов живых? Когда в их космах путается солнце, а гривы светятся корками апельсинов? – не унимался человек. Задумавшись, заметил: – Это рыжий хозяин готов к прыжку. – И пояснил: – В доме «со львами» живёт скрипач.

– Да, синьор, он должен там жить, мне сказали, – ответил я, смущаясь.

– Франческо Ньекко – его имя.

– Да, но...

– Не «но». Да, да и да! – Разошелся человек-камбала с играющим светом лицом, нежным и оболъстительным.

На удлинённом жёлтом лице увидеть можно всё: от утомления до вдохновения, что выше суеты.

– Пойдёмте!

– Куда? – я растерялся, но мне льстило его «вы» и я не знал, довериться ему иль оттолкнуть.

– К кому вы шли.

– Стойте! Не пойду, – упёрся я, смутившись и не зная, на что способен прохожий.

– Пойдёшь.

– Нет, нет и нет! – Финита. Всё.

– Франческо Ньекко – я, – признался облегчённо он, скокетничав, довольный: – Так я похож?

– Не знаю.

И ощутил я запах незнакомый, и отступил.

– Духи, – сказал мужчина, улыбнувшись тонко. – Иль наслаждаться ароматом лишь женщины должны? О, красота не претит и мужчинам.

– К-красота? – я поразился. – Мужчинам? Но зачем?

– Синьорино, – непривычно ласков он, изыскан, утончён. – ты полагаешь, от мужчины воняет луком и белём несвежим? Сие нормально, да? – И округлил огневые с угольными зрачками глаза.

Нормально, да. Чесноком, потом и винными парами. Возпревшими подмышками. Как у папы и его друзей после та-

верны.

– Бедняга, – пожалел ребёнка с улицы, приободрил: – всё впереди, синьорино!

Он произнёс слова, и я их понял много лет спустя.

– Послушай! – встрепенулся он, – я покажу тебе, пойдём.

Вот дом. Вот ручки с львиными клыками – их выражение непонятно. Обнюхают? Сожрут? Сыты иль голодны?

Не побоялся взяться за них Ньекко. Дверь поддалась – о господи! Мы понеслись сквозь стрельчатые арки, галереи, анфилады комнат. Мозаика! И витражи! И фрески, и картины!

Вы, залы, комнаты и стены, не мчитесь. Я запомню вас. Лепные потолки, орнамент, их мавританский пряный аромат и чудная резьба на дверях. И люстры из стекла цветного матово горят. Изысканная мебель, пастельные тона. Какое чудо – дом! Какое диво!

Остановились, отдышавшись в лимонной бархатистой зале.

Клавикорд. Откинута крышка. На отсвечивающей, как ночное небо, поверхности отдыхало тонкое тело скрипки.

Я замер, позванный ею.

Ньекко – изумительное чутьё – уловил моё движение к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.